

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина
Курганский государственный университет,
Курган, Россия
denmas13@yandex.ru, realdenim77@yandex.ru

**КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВА**

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina
Kurgan State University, Kurgan, Russia

**CLIMATIC FACTOR IN THE HISTORY
OF THE TYUMEN AND SIBERIAN KHANATE**

ABSTRACT: The article discusses the role of a climatic factor in the history of the Tyumen and Siberian khanate in the XV-XVI centuries. However, their formation and development coincided with the climate cooling in the Northern hemisphere. During the minor ice age there were significant changes in many aspects of the local societies life. In these conditions, in addition to possible ways of restructuring the system of life support, there were two possible solutions: care to the South, in a warmer zone, or, on the contrary, to the taiga area which has more resources. These factors explain why Tyumen and the Siberian aristocracy in the Aral and Syrdarya region could continue their traditional nomadic way of life. At the same time, the reason of formation of numerous towns in the North of the Siberian khanate (the second half of the XVI century) and transition of a number of the Turkic and Tatar populations to the sedentary life style becomes clear. It appears that this approach may be quite promising in explaining of the history of the local statehood and processes of its occurrence in Muscovy under the support of archaeological information and chemical analyses.

Сибирские государства Шибанидов XV-XVI вв. были частью позднезолотоордынского и постордынского мира и тенденции их развития могут быть поняты только в этом контексте. В конце 1420-х гг. после длительной междоусобной борьбы Шибанидов и их участия в внутриордынских конфликтах на юге Западной Сибири сформировалось Узбекское ханство Абу-л-Хайра. Частью этого государства были улусы и юрты иных представителей династии, в том числе т.н. «сибирских Шибанидов» из потомков Бек-Онди-оглана. Это позволяло Абу-л-Хайру считаться «ханом-и Бузург», т. е. Великим ханом. Самой северной частью ханства был вилайет Чимги-Тура (Туринский вилайет). На основе этого вилайета и улусов сибирских Шибанидов в 1460-х гг. было создано Тюменское ханство Ибрахима и его братьев, а затем в XVI века Сибирское ханство потомков Ибрахима, которые значительно расширят подвластные земли как к северу, вглубь таежной зоны, так и к востоку в Прииртышье.

В истории шибанидской государственности юга Западной Сибири существует некоторое число «белых пятен». Например, нам фактически неизвестны археологические памятники этого времени в лесостепной и степной зоне, хотя в подтаежной зоне существуют многочисленные городки и юрты татарских и тюркских групп населения, при изучении которых выявлен схожий тип керамики, отнесенный к Сибирскому ханству [Матвеев, Татауров, 2013, с. 127-134]. За последние 5 лет в лесостепном Притоболье было выявлено более 20 памятников, которые могут относиться к золотоордынскому времени, но на данный момент нет ни одного XV-XVI веков. Отчасти это может быть объяснено как неясностью критериев их выделения, так и сохранением кочевого образа жизни в рамках урало-аральского цикла кочевания в качестве престижного для хана и его окружения. Это фактор недооценивается исследователями, которые пытаются выстроить границы рассматриваемых государств как нечто стабильно и постоянно функционирующее по оседлому образцу [Матвеев, Татауров, 2011, с. 70-78]. Сами маршруты кочевий сибирских Шибанидов и их окружения явно выходили за пределы реконструируемых границ, особенно с учетом того, что их южные и западные очертания вообще плохо выявляются в источниках. Значительные территории степей Северного и Западного Казахстана вплоть до середины XVI века не контролировались казахскими ханами, а использовались именно Шибанидами и ногаями. Номадный образ жизни сибирской аристократии был явно схож с навыками хозяйствования их ногайских родственников и союзников, которые фактически не оставили археологических следов.

Еще одним спорным моментом является постоянно встречаемое в источниках устремление шибанидских ханов к смещению кочевий к югу в приаральскую и присырдарьинскую зоны. Это заметно даже на фоне не менее частых попыток захвата Поволжья, в частности казанского престола, а также продвижения в таежную зону, хотя последнее должно быть подтверждено данными археологии. Центральноазиатское направление проявлялось в политике хана Абу-л-Хайра по вопросу власти над Хорезмом и иными городами по Сырдарье. Оно привело к реальному смещению политического центра Узбекского ханства из Северного Казахстана и лесостепи Западной Сибири на Сырдарью в 1447 году. Не менее важным было стремление уже тюменского хана Ибрахима сохранить за собой улусы и юрты по Сыр-Дарье в 1460-1470-е годы, а также аналогичные действия его сына Муртазы и внука Кучума. Несомненно, что это приносило дивиденды в форме участия в торговле, в том числе пушниной, а также позволяло обеспечить лояльную аристократию военной добычей в рамках институтов престижной экономики. В конечном итоге отчасти эта «южная» тенденция могла быть обусловлена и стремлением восстановить «отцовы кочевья», ведь с 1242/3 гг. основатель династии Шибан, брат Бату, кочевал между Уралом и Сырдарьей с их притоками.

Однако этого объяснения абсолютно недостаточно для понимания процессов начала XVI века, когда Шибаниды и их окружение, видимо, покидают лесостепную и даже северную степную зону. Судя по источникам, они концентрируются в южных степях и Приаралье, где участвуют как в формировании Бухарского и Хивинского ханств, так и в событиях в Ногайской Орде, в частности в т.н. Алтыулах. Миграция была настолько велика, что к концу первой четверти XVI века Шибаниды фактически не фиксируются источниками на юге Западной Сибири, хотя здесь и сохраняются группы тюменских и шибанских татар. От имени ханов Сибирью как частью более крупного политического объединения правят местные аристократы, в частности беки-Тайбугиды. Сами правя-

щие династы, видимо, постоянно кочевали на юге степной зоны, а в Сибирь могли приходиться лишь на несколько месяцев на летовки и для сбора ясака. В результате этих процессов в 1530-х гг. они даже утратили контроль над Чимги-Турой, которая была захвачена угорскими князьями [указанные исторические тенденции были рассмотрены: Маслюженко, 2015, с. 177-195].

Возвращение Шибанидов в сибирские владения было вызвано попыткой Тайбугидов провести сепаратные переговоры с Москвой, что узурпировало исключительно ханское право на ведение внешней политики. Тайбугиды при этом вели переговоры вместе с ногайским бием Исмаилом. Известно, что переговоры 1550-х гг. пришлись на довольно сложные годы в степях, которые привели к большому голоду у ногаев. Его предвестники были заметны еще в 1555 году и усугублялись затяжной степной засухой. Энтони Дженкинсон сообщает, что голод у ногаев в 1558 году, совпав с усобицами и мором, достиг такого размаха, что «померло до 100 тысяч человек... Ногайская земля... остается теперь не населенной» [Дженкинсон, 1947, с. 38-39].

Представляется, что данные об этих катаклизмах, хотя и очень ограниченные в источниках, являются показательными в целом для рассматриваемых процессов, в том числе способны объяснить интерес к постепенному смещению кочевий тюменской и сибирской аристократии к югу. Фактически с аналогичной ситуацией столкнулись алтайские исследователи А.А. Тишкин и Н.И. Быков, которые также констатировали отсутствие памятников XV века на Алтае и в Верхнем Приобье, предположив, что это может быть связано с ухудшением климатических условий. В качестве аргументов зрения авторы приводят данные о том, что с 1430-х гг. началось снижение прироста у деревьев на Алтае и северной границе лесов в Сибири. Своего пика эти процессы достигли в последнее десятилетие XV века, а сама тенденция сохранялась на протяжении всего последующего столетия. По всей видимости, это могло быть связано с холодными летними вегетационными периодами и усилением суровости зим. При этом зимы в степной зоне, в том числе на юге Западной Сибири, сопровождались обильными осадками и значительным снежным покровом, что неблагоприятно для круглогодичной тебеневки скота [Тишкин, Быков, 2013, с. 123-124], а, следовательно, приводило к уменьшению размеров стад. Т.Н. Жилина отмечает, что в целом с XIII века начинают проявляться первые признаки малого ледникового периода, который затронул все северное полушарие. При этом его пик в Западной Сибири проявляется с 1550-х гг. Автор отмечает, что «о синхронности проявления МЛП на европейской территории России и в Западной Сибири говорить сложно, но именно со второй половины XVI в. на Руси учащаются количество экстремальных природных явлений и их непостоянство (раннее наступление холодов, суровость зим, поздние весны, наводнения и т.д.)» [Жилина, 2010, с. 206, 210]. При этом количество кочевников напрямую зависит от существующего стада, а его размеры «ограничены продуктивностью и размерами пастбищ». В результате не совпадения этих факторов усиливается внешняя экспансия, происходит отток населения, а также его частичный переход к оседлости и земледелию. При этом Э.С. Кульпин считает, что рассматриваемые процессы были характерной частью социально-экологического кризиса, охватившего большинство позднелетоордынских государств [Кульпин, 2001, с. 18-23].

В этих условиях, помимо возможного пути перестройки системы жизнеобеспечения, было два возможных решения: это уход на юг, в более теплую зону, или же напротив в предтаежную зону, где сосредоточено больше необходимых ресурсов [Тишкин, Быков, 2013, с. 124]. В первом случае это объясняет тенденцию ухода тюменской и сибирской аристократии в Приаралье и присырдарьинский регион, где они могли сохранить традиционный образ жизни. Во втором — становится понятной причина формирования городков на севере Сибирского ханства второй половины XVI века и сопровождавший его переход к оседлости ряда тюркских и татарских групп населения. Эти же тенденции отчасти объясняют и степную политику Узбекского и Тюменского ханств XV века в сравнении с таежной и сибирской политикой Сибирского ханства в XVI веке.

Высказанные идеи о связи процессов развития сибирской государственности и климатических колебаний носят лишь предварительный характер. Они не могут быть обоснованы без проведения соответствующих археологических исследований и химических анализов. Однако, в целом представляется, что это направление может быть довольно перспективным в объяснении истории местной государственности и процессов ее вхождения в Московию.

Список литературы

1. Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэргиз, 1937. С. 168-192.
2. Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. № 340. 2010. С. 206-211.
3. Кульпин Э. Средневековый социально-экологический кризис в степях Восточной Европы // Степной бюллетень. 2001. № 9. С. 18-24.
4. Маслюженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С. 177-195.
5. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 70-78.
6. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: появление и эволюция термина // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр.: в 2 т. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2013. Т. 1. С. 127-134.
7. Тишкин А.А., Быков Н.И. Этнокультурная ситуация и природно-климатические изменения на юге Западной Сибири и Алтае в постзолотоордынское время // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV-XVI вв.)»: Тезисы. Симферополь: Крокос, 2013. С. 123-125.